

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Н. Матарас

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Анализируется проблема исторического исследования формальных норм права. Предлагается междисциплинарная методология, где при исследовании правовых текстов учитываются данные исторической социологии права в параметрах времени функционирования правовой системы.

Ключевые слова: норма права; историческая социология; правовая действительность; правоотношения.

НАВУКОВЫЯ АСПЕКТЫ ГІСТОРЫКА-ПРАВОВОГА ДАСЛЕДАВАННЯ

В. Н. Матарас

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Аналізуецца праблема гістарычнага даследавання фармальных норм права. Прапануецца междысцыплінарная метадалогія, дзе пры даследаванні прававых тэкстаў улічваюцца дадзеныя гістарычнай сацыялогіі права ў параметрах часу функцыянавання прававой сістэмы.

Ключавыя словы: норма права; гістарычная сацыялогія; прававая рэчаіснасць; праваадносіны.

SCIENTIFIC ASPECTS OF HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

V. N. Mataras

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, theory-law@bsu.by*

The article analyzes the problem of the history of the study of legal norms. An interdisciplinary methodology is proposed, where, when studying historical legal texts, data from the sociology of law in the historical parameters of the functioning of the legal system are taken into account.

Keywords: legal norm; historical sociology; legal reality; legal relations.

Историки права не всегда могут понять существовавшую в историческом прошлом систему правопорядка, если объект их изучения – создание ума и рук человеческих – институты и формальные нормы исто-

рического правопорядка и его правовой системы, которые могут дойти до нас, а могут и не дойти, т. е. либо сохраниться, либо не сохраниться. Но даже если они сохранились, применение только филологического метода, на основе анализа формальных норм, при исследовании существовавшего когда-то правопорядка приводит к упрощениям.

Формальные нормы права, отслоенные от среды своего функционирования, имеют свою внутреннюю логику. Они могут нести в себе эмпирическую составляющую, а могут и не быть таковыми и нуждаются в проверке и перепроверке. Следовательно, мы видим только часть системы правопорядка в виде записанных и сохранившихся формальных норм, но не всегда понимаем, почему они были приняты и функционировали ли эти нормы вообще в том виде, в котором записаны в тексте.

«Проблемы истории находятся не между художником и картиной, равно как и не между картиной и пейзажем, но внутри самого пейзажа, в сердце самой жизни», – утверждал Ф. Бродель [1, с. 17]. Это и есть, по нашему мнению, идеал научной работы. Взгляд историка права должен быть «направлен прежде всего не на юридические отвлечения и формулировки минувшего времени, а на его действительную правовую и нравственную жизнь во всей ее целостности» [2, с. 71].

Большая часть исследований истории римского права содержит только историю догмы права, т. е. законодательства и, следовательно, предполагает филологическое исследование дошедших до нас правовых норм, а не исследование существовавшей системы правопорядка как многоаспектного феномена. При таком подходе догма права лишается своей связи с фактическим миром правоотношений коллектива, в котором она находила условия своего функционирования. К этому присоединяется еще и тот факт, что источники, из которых историк права должен черпать свой материал, являлись догматическими работами для своего времени. Причина в том, что римские правоведы создавали для своих современников, а не для будущих историков права, и поэтому для них не было необходимости описывать римскую систему отношений. Для них она была и так понятна, а для нас это и есть неясный и искомый срез знаний, определяющий основания функционирования той или иной формальной нормы права.

Кроме того, функционирующие формальные нормы, принятые в определенном временном состоянии параметров системы правопорядка, объективно наполняются с течением времени новым содержанием или становятся статично умозрительными, перестают быть эмпирическими фактами и вне учета этой связи становятся спекуляцией слов.

Что мы видим, кроме текстов норм? Это узкий предмет, границы которого не выходят за рамки текста. Историю фиксации правовых норм

как цепочки, схватывающей определенные состояния коллектива, мы наблюдаем постоянно. Следовательно, история принятых и записанных норм права – это граница социальной формы организации через фиксацию формальных норм права. Историк права всегда видит явление формальных норм, но не соотношение между ними; видит внешнюю форму, но не этническое основание в виде стереотипов поведения и социокультурных доминант; он наблюдает элементы системы правопорядка, а не системные связи, которые, как известно, составляют основу любого правопорядка, особенно при его трансформациях.

«Наши профессора, переписывая чужие термины, стали глоссаторами поневоле. Что скажет норма? Вот основной вопрос, который они себе задают» [3, с. 174]. «Будучи как-бы раздавлены тяжестью закона, они опутывают толкование сетями буквы закона, поклоняясь тексту кодекса так, как обычно поклоняются священным текстам» [3, с. 173], превращая научное исследование в философскую веру. Тогда исследование из живого исторического понимания творческих процессов в истории права уходит в спекуляцию слов и политизированное понимание истории, а истолкование путем философии не дает ответа на вопросы и не приносит научного результата.

Взгляд историка права не должен направляться лишь на формальные нормы права прошлого – историко-филологический метод не всегда дает ответы на поставленные вопросы. В анализ научного исследования должна входить действительная правовая и функциональная составляющая таких правовых норм, во всей их целостности и взаимосвязи, и только тогда они не будут изолированными для научного анализа.

Цитирование формального источника права также не заслуживает полного доверия, пусть даже аутентичного. Только сводка достаточно большого числа эмпирических фактов, систематизированных по определенным критериям обобщений позволяет начать поиски логики нормогенеза, а понимание этих процессов невозможно без анализа системных связей феномена правопорядка. Исследование связей дает возможность проникнуть в глубину исторических закономерностей системы правопорядка и его правовой системы.

Этот подход создает предпосылки для синтеза теоретической истории правопорядка и исторической социологии права в том объеме, который устанавливает причинно-следственные связи для верификаций закономерностей в проявлении нормотворчества. Задача исторической социологии права – не создавать предмет по своему усмотрению, а лишь «воссоздать прошлое, стараясь (в идеале – *авт.*) приблизить описание и анализ к тому, что имело место в действительности» [4, с. 12].

Библиографические ссылки

1. *Бродель Ф.* Очерки истории : пер. с фр. 2-е изд. М. : Академический проект, 2017. 223 с.
2. *Иеринг Р.* (Рудольф фон). Избранные труды. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2006. Т. 2. 547 с.
3. *Кабрияк Р.* Кодификации / пер. с фр. и вступительная статья Л. В. Головки. М. : Статут, 2007. 476 с.
4. *Гулыга А. В.* История как наука // Философские проблемы исторической науки / ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада ; Академия наук СССР, Институт философии. М. : Наука, 1969. С. 7–50.